

Читайте
захватывающие остросюжетные романы
ИРИНЫ ГРАДОВОЙ:

СЕРИАЛ «СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»

Предложение, от которого не отказываются

Не делай добра

Смерть навынос

Экзотический симптом

Клиническая ложь

Горькое лекарство

Побочные эффекты

СЕРИАЛ «СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»

Окончательный диагноз

Врач от бога

Пациент скорее жив

Последний секрет Парацельса

Чужое сердце

Забытая клятва Гиппократа

Шоковая терапия

Клиника в океане

Вакцина смерти

Источник вечной жизни

Инородное тело

Вскрытие покажет

Второе рождение

Врачебная ошибка

Рецепт от Фрейда

Мальтийский пациент

Врачебные связи

Диагностика убийства

Сколько стоит твоя смерть

Инстинкт хищницы

СЕРИАЛ «БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Танец над пропастью

Ария для призрака

Венчальное кольцо Нибелунгов

Последняя надежда обреченных

Актриса на роль подозреваемой

Соло на раскаленной сцене

СЕРИАЛ «АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»

Ложь под звездным соусом

Жена государственной важности

СЕРИАЛ «СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»

Проклятие ДНК

Пролог

Звуки веселой французской песенки, слишком легкомысленной, чтобы всерьез претендовать на произведение музыкального искусства, разливались по просторной зале, где стояло роскошное «беккеровское» пианино с подсвечниками, удобно расположенными по обе стороны от сидящего за ним молодого человека с кудрявыми бакенбардами. Голова его была поднята, а влюбленный взгляд устремлен на исполнительницу шлягера, усердно выводящую незамысловатую мелодию. Остальные слушатели сидели полукругом и внимали пению, испытывая самые разнообразные чувства — от восхищения до плохо скрываемой ненависти. Надо ли говорить, что первые принадлежали к мужескому полу, тогда как вторые — к противоположному? Возможно, аудитория была бы более единодушна в восприятии «прекрасного», будь Аннушка Гурина по-настоящему талантливой певицей. К сожалению, голосок у нее был весьма неровный, и она чересчур уж старалась не сбиться с ритма и тональности, отчего походила на ученицу, старающуюся угодить учителю. Однако, не обладая певческим талантом, Аннушка в полной мере имела другой, гораздо более очевидный: она была хороша, как орхидея, такая же экзотичная, прихотливая и завораживающая своей красотой. По этой причине присутствующие мужчины склонялись к тому, чтобы простить ей кое-где нарушавшую мелодию легкую фальшивость, в то время как дамы замечали каждую неточность и не слишком рьяно прятали усмешки за веерами.

— Великолепно! — наперебой закричали кавалеры. — Чудесно! Брависсимо!

Дамы были более сдержанны в выражениях восторга. Они не могли вовсе промолчать, а потому делали вид, что поддерживают мужскую половину слушателей, однако саму Аннушку Гурину интересовал лишь один — тот, который как раз и отсутствовал в зале.

— Но где же наш гостеприимный хозяин? — громко спросила она, чуть приподняв прекрасно очерченные брови. — Сказал, что отлучится не дольше чем на четверть часа, а его уж минут сорок как нет!

— Вот-вот! — поддержала ее высокая блондинка, пышные формы которой были туго затянуты в темно-синее атласное платье, сшитое по последней парижской моде, но совершенно ей не подходящее ни по фасону, ни по цвету. — Невежливо приглашать гостей и бросать их на произвол судьбы!

— Вы не правы, Нинон! — возразил полный молодой человек, который сопровождал Аннушке на пианино. — Наш Генрих — гостеприимный хозяин: только взгляните, сколько всего он нам тут оставил для услаждения языка и желудка!

И правда, на столиках, расположенных вдоль стены с высокими окнами, стояли всевозможные яства: осетровая икра в хрустальных вазочках искрилась блеском черных бриллиантов, лососина, нарезанная тонкими ломтиками и соседствующая с паштетом из гусиной печени на расписном фарфоровом блюде, вызвала обильное слюноотделение, стоило лишь на нее взглянуть. В ведерках со льдом исходили испариной бутылки шампанского, и молодые люди, судя по раскрасневшимся лицам, уже успели воздать ему должное. Однако Аннушка была недовольна: она находилась здесь исключительно из-за хозяина поместья, и его отсутствие делало вечер буквально невыносимым!

— Где же Генрих? — капризно спросила она, надув губки, отчего ее личико сделалось еще более милым.

— А правда, где? — вскинул голову молодой князь Покровский. — Эй, кто там... Платон, кажется?

Польщенный тем, что барин запомнил имя столь незначительной персоны, лакей, дежуривший у стола, чтобы по первому требованию наполнить бокалы гостей или положить им икры или рыбы, склонился в подобострастном поклоне.

— Куда же подевался твой барин, Платон? — повторил свой вопрос князь. — Где его, с позволения сказать, носит?

— Батюшке Генриху Ивановичу доложили о поимке конюха Прохора, ваша милость, — сообщил лакей елейным тоном.

— Что еще за Прохор? — нахмурился Покровский. — И за каким чертом это интересно Генриху Ивановичу, а?

— Барин всегда сам решает проблемы с крепостными, ваша милость, — он никогда не перепоручает разбираться с ними управляющему!

— Да какие проблемы могут быть у конюха?! — изумился князь, махом опрокинув в себя содержимое бокала и протянув тот Платону за новой порцией.

— О, проблема большая, ваша милость! — понизив голос до полусшепота, ответил лакей. Весь его вид говорил о довольстве тем, что господин с ним разговаривает, а также о сознании собственной важности, ведь он действительно имеет что ему сообщить! — Дело в том, что конюх Прохор влюбился в девку Ольгу, что в прислужницах у матушки хозяина...

— А, так тут любовь замешана! — перебил слугу Покровский. — Не думал, что в поместье моего друга кипят такие страсти! Ну, и что та девка, Ольга-то?

— Она тоже, ваша милость, вроде в конюха втрес... влюбилась то есть, и они попросили благословения у матушки Генриха Ивановича.

— Так в чем проблема-то? — пожал плечами князь. — Поженить их, да и дело с концом!

— Но Ольга обещана нашему управляющему! — возразил лакей. — Он уже и выкупил ее у барыни, понимаете, ваша милость? Денег целую кучу отвалил!

— А-а, — протянул Покровский, постепенно утрачивая интерес к истории. — И что?

— Ну, Прохор решил бежать. С Ольгой-то — бежать, понимаете?

— Бежать? — вновь встрепенулся князь: это уже становилось по-настоящему занимательно! — Неужели он решился?!

— Да вот решился, ваша милость! — сокрушенно покачал головой Платон. — Вчерась сбегли они, с Ольгой сбегли! А сегодня их поймали!

— И что, накажут теперь?

— А как же, еще как накажут — барин-то наш, Генрих Иванович, терпеть такого позора не станет, храни его Господь!

— И как накажут?

— Не мое это дело, ваша милость, не лакейское, — внезапно опустив глаза, пробормотал Платон. — Как сочтут нужным, так и накажут!

— Так Генрих Иванович что, сейчас там, с этим... с Прохором с этим?

— Видно, так.

— Так пойдем, что ли, поглядим на расправу? — предложил Покровский, оборачиваясь к приятелям и дамам, как оказалось, уже некоторое время внимательно прислушивавшимся к их с лакеем беседе. — Все потеха, какая-никакая!

Дамы почти одновременно наморщили носики.

— Фи, Антон Григорьич, вот уж развлечение так развлечение! — воскликнула Ниночка Уварова, или Нинон, как все ее называли. — Ну что может быть интересного в наказании крепостных?

— А пошли! — не обращая внимания на ее слова,отреагировал на предложение князя молодой помещик Марусев. — Чувствуете, дымом вроде тянет?

Остальные присутствующие потянули ноздрями.

— Точно, пахнет! — кивнул Покровский. — Идем!

Гости, раззадоренные романтической историей крепостных, вышли из дома и направились на запах дыма. Во дворе, образованном жилыми бараками с одной стороны и конюшнями — с другой, их взорам предстало пугающее зрелище. Посреди двора, напротив друг друга, стояли два шеста, к которым были привязаны мужчина и женщина. Вокруг пылали костры, освещая лица сбившихся в кучу крестьян и домовых слуг. На них читались самые разные эмоции, но преобладали ужас, растерянность и обреченность. Между столбами, одетый лишь в бриджи и белую рубашку, стоял хозяин поместья, барон Генрих фон Вагнер. Отблески огня плясали на его смоляных волосах и придавали темным глазам красноватые блики, словно в самой глубине его существа тлели раскаленные уголья. На губах его играла улыбка, а в руке был зажат длинный кнут. В другой руке он тоже что-то держал, и Аннушка, сделав пару шагов вперед, попыталась разглядеть этот странный предмет. Он показался ей похожим на какого-то пушистого зверька, но позже девушка разглядела получше, и ее глаза расширились от ужаса: это оказалась длинная русая коса! Она перевела взгляд на привязанную к столбу женщину: ее волосы были коротко обрезаны и топорщились сзади неровными прядями. Несмотря на то, что лишилась самого главного своего украшения, она была красива: на смертельно бледном лице выделялись огромные серые глаза, в которых в данный момент, словно в прозрачных горных озерах, плескался страх, а губы ее дрожали, но она будто бы боялась расплакаться. Мужчина, привязанный ко второму столбу, находился в гораздо более плачевном состоянии: холщовая рубаха висела на нем ключьями, пропитанными кровью, в огромных прорехах виднелось тело, на котором не осталось ни одного живого места. Трудно было что-то сказать о его внешности, так как лицо его походило на багрово-синее месиво.

В какой-то момент толпа крепостных отхлынула, выпущая из своих недр очень старую женщину с растрепанной гривой седых волос.

— Остановись, барин! — закричала она. — Аль ты Бога не боишься?! Отпусти этих несчастных, они уже достаточно наказаны!

— Это еще кто? — удивленно спросил фон Вагнер, обращаясь к стоявшему неподалеку управляющему.

— Не извольте беспокоиться, Генрих Иванович, — ответил тот. — Анфиса это, на высылках живет, в хижине, что раньше охотничьим домиком служила. Безвредная она... Хотя некоторые ведьмой ее считают, — добавил он едва слышно, вовсе не уверенный, что хозяину стоит это знать.

— Убери это старое пугало! — приказал барон.

— Не бери греха на душу, барин! — возопила старуха, делая шаг вперед. — Остановись, пока не поздно, иначе прокляну!

— Пошла вон, ведьма! — рявкнул Генрих. — И радуйся, что тут нет третьего столба!

— Будь ты проклят, изверг! — выплонула старуха, воздев к небу узловатые руки. — Ты на себе ощутишь гнев Господень: будешь чувствовать всю боль тех, кто рядом с тобой, и страдать так же сильно, как они! Проклятие мое падет на всех твоих потомков до десятого колена, так и знай!

Фон Вагнер откинул красивую голову назад и громко расхохотался: в почти полной тишине, нарушаемой лишь треском костров, этот звук показался присутствующим зловещим и сравнимым с раскатами грома, предвещавшими грозную бурю. Вдоволь насмеявшись, он посмотрел на управляющего и, не говоря ни слова, кивнул. Управляющий подскочил к старухе, схватил ее за волосы и одним движением опрокинул на землю. Не в силах дальше наблюдать за зверствами, Аннушка, закрыв лицо руками, кинулась прочь. Фон Вагнер не обратил на ее бегство ни малейшего внимания. Словно Люцифер, вырвавшийся из-под земли, куда низверг его Господь, стоял он среди пылающих костров, и глаза его пылали тем же адским пламенем.

* * *

Лера кинула тоскливый взгляд в окно — там, за ним, текла жизнь, люди торопились по своим делам, планировали пятничный вечер и, возможно, выходные. А ей ничего не оставалось, как сидеть за столиком напротив самого скучного человека в мире и слушать его нудные рассказы о котировках акций, падении цены биткоина и необходимости вкладывать сбережения в золото. Господи, да если б они у нее были, сбережения! Мама постоянно твердит, что нельзя жить без накоплений, но лучше бы ей помолчать: до тех пор, пока ее младшая дочь Эльвира не вышла замуж за состоятельного человека, она жила на одну зарплату и едва-едва дотягивала до следующей! Теперь-то, конечно, Элька подбрасывает ей ежемесячно на всякие расходы, платит за поездки на отдых и прочие развлечения. В принципе, мать могла бросить работу, но тогда ей негде было бы «выгуливать» красивые наряды, которые также доставались ей от младшей дочери: Эля не надевает одни и те же тряпки дважды! А вот от старшенькой маме никаких дивидендов: ее зарплату нельзя назвать совсем уж маленькой, однако никакой особой роскоши Лера позволить себе не может, чем весьма огорчает родительницу, мечтающую, чтобы обе дочурки оказались удачно пристроены. Поэтому время от времени маман устраивает старшей дочери сюрпризы: то внезапно приглашает заскочить на пару минут «по неотложному делу, которое невозможно обсудить по телефону» — и тогда в ее квартире, совершенно случайно, ока-

зывается неженатый или разведенный сын какой-нибудь ее приятельницы, мечтающий познакомиться с Валерией, «о которой он столько слышал» от своей мамы, которая, надо сказать, ее в глаза не видела. Видимо, дети мужского пола у маминых подруг закончились, поэтому она обратилась к младшей дочери с просьбой найти для сестры подходящую партию. И Эля нашла Николая, управляющего филиалом крупного банка. Его отец входит в совет директоров, поэтому молодой человек вправе ожидать головокружительной карьеры в ближайшие десять-пятнадцать лет. Все его будущее, судя по его же собственным словам, расписано до мелочей и предсказуемо до тошноты! Не то чтобы Лера обожала непредсказуемость и неожиданности, но, должно быть, очень печально точно знать, что с тобой произойдет завтра, послезавтра, в Новый год и в каждый последующий... Скука смертная!

— Вы ничего не едите, — заметил ее визави, глядя на почти нетронутую форель под белым соусом на ее тарелке. Тарелка была необъятных размеров, а кусочек рыбы — маленьким и вовсе не таким уж аппетитным, как можно было ожидать от столь пафосного ресторана. — Невкусно?

— Да нет, просто я не голодна, — пробормотала Лера. Ей вдруг стало стыдно: она критически отнеслась к своему кавалеру еще до их встречи, и Николай не понравился ей с первого взгляда, но ведь он заехал за ней на машине, подарил роскошный букет и привел в отличное место, куда она вряд ли попала бы сама — разве он не заслуживает хотя бы уважения? И Лера попыталась нацепить на лицо заинтересованное выражение, надеясь, что она не такая уж плохая актриса и ее спутник проглотит эту «утку». Так и вышло: Николай оказался достаточно толстокожим, чтобы удовлетвориться ее объяснением и сказать:

— Тогда, может, десерт?

От десерта Лера не отказывалась принципиально. Все вокруг сидят на диете, Элька тратит кучу денег и времени на спортзал и модного диетолога, обслуживающего звезд

театра и кино, а мама не устает напоминать, что, если дочь желает выйти замуж за приличного человека, ей следует следить за фигурой и всегда быть в хорошей форме. Но Леру, в отличие от стройной и даже хрупкой сестры, господь одарил высоким ростом и широкими плечами, поэтому она не претендовала на звание «Мисс Изящество», полагая, что занятия боксом и боевыми искусствами дадут ей право считаться спортивной девушкой. А вот отказывать себе в маленьких радостях она не собиралась, и сладости стояли на первом месте в их ряду!

— Здорово, когда девушка не боится поправиться, — заметил Николай, когда Лера в один присест умяла кусок яблочного штруделя, корзиночку с кремом и эклер, обильно политый темным шоколадом.

Она взглянула на него с подозрением — издевается или взаправду так думает? Однако на пресном, невыразительном лице кавалера не отразилось никаких эмоций.

Николай Кудряшов был среднего роста, но сидя это не так заметно. Несмотря на то что, по словам Эли, ему недавно исполнилось тридцать, его светлые волосы уже начали редеть на макушке, а на лбу явственно обозначились залысины. Длинный нос, тонкогубый рот и безвольный подбородок довершали малопривлекательный образ «мужчины мечты». Единственным, что слегка компенсировало внешность Николая, были глаза — не особо большие, но красивого серого цвета и миндалевидной формы, какую вряд ли ожидаешь встретить у человека с чисто русской фамилией. Лера и не ожидала, что ее спутником на вечер окажется красавец — совсем наоборот, красавцев она недолюбливала, считая, что они используют собственную внешность лишь с целью «клеить» представительниц противоположного пола. Более того, они уверены, что красивый экстерьер позволяет им рассчитывать на благосклонность любой женщины — она просто обязана растаять от их неотразимости и превратиться в желе! Однако Лера предпочла бы, чтобы лицо Николая было несколько

более выразительным, а речь — чуть более внятной и не такой монотонной: порой ей сложно было разобрать, что он говорит.

— Что-то я все о себе да о себе! — неожиданно спохватился он спустя сорок пять минут сольного выступления. В уголке Лериного мозга шевельнулась робкая надежда: может, все не так безнадежно? — Ваша мама рассказывала, что вы работаете в Следственном комитете... следователем?

— Верно, работаю, — кивнула Лера, закидывая в рот последний кусок пирожного.

— Интересно, наверное?

— Временами. По большей части рутина.

— Вот и у меня так же! — обрадовался он и снова загундел о том, как успешен в делах, как им гордится отец и какие блестящие перспективы ожидают его через несколько лет. Очевидно, Николай решил, что двумя ничего не значащими вопросами он составил о Лере полное впечатление, придя к выводу, что она ему не интересна. Она уже раздумывала, как бы повежливее извиниться и слинять, когда зазвенел сотовый — слава богу, ей хватило ума его не отключить! Лера схватилась за телефон, как утопающий за спасательный круг. На экране высветилось имя подполковника Аллы Сурковой, замруководителя Первого следственного отдела Первого управления по расследованию особо важных дел. Карьера этой женщины была для Леры образцом того, к чему надлежит стремиться, и она точно знала, что Алла сделала ее не «через постель», а исключительно благодаря уму, интуиции, умению выстраивать отношения как с вышестоящим начальством, так и с коллегами, а также немалой толике везения. Кроме того, на взгляд Леры, Суркова была настоящей красавицей. Правда, она не вписывалась в современные каноны красоты и не соответствовала модельным параметрам, однако Лера полагала, что вкусы, навязываемые СМИ и поп-индустрией, преходящи, а настоящая красота — вне времени.

Возможно, Алла Суркова не вышла ростом и у нее определенно есть несколько лишних килограммов, однако ее лицо с гладкой белой кожей, потрясающие зеленые глаза и короткая, аккуратная шапка блестящих черных волос неизменно привлекают внимание даже тех, кто предпочитает длинноногих блондинок с подиумов. А уж пышная, высокая грудь Сурковой была предметом черной зависти Леры, которую мама иногда, в порыве откровенности, называла «плоскодонкой»... Интересно, с чего бы начальнице ей звонить?

— Добрый день, Лерочка! — поздоровалась Суркова своим низким, бархатным голосом: мужчины от такого тембра, должно быть, тают, как пломбир, и растекаются по поверхности! — Вы уж простите, что беспокою вас в выходной день...

— Ничего-ничего, Алла Гурьевна, — перебила Лера, прикрывая ладонью трубку и бросая быстрый взгляд на Николая. Тот тоже достал телефон и принялся что-то в нем изучать, не выказывая ни малейших признаков нетерпения. — Что вы хотели?

— Видите ли, я завалена работой, а тут Дед... то есть Кириенко, попросил заняться одной небольшой проблемкой.

Леру позабавило то, как Суркова исправилась, назвав начальника Следственного управления Дедом, — все прекрасно знают его прозвище и за глаза между собой не называют никак иначе!

— Что за проблемка? — заинтересовалась Лера.

— Одна знаменитость... Вера Сокольская — может, слышали?

— Это певица, что ли, которая сейчас в ледовом шоу по телику?

— Точно! Так вот, она сбила человека на машине, и он попал в больницу.

Лера сдержала разочарованный вздох: ей-то подумалось, что Суркова предложит что-то интересненькое, какое-ни-

будь заковыристое дельце вроде тех, что расследует сама, а тут — банальный наезд! И почему вообще СК должен заниматься такой ерундой?! Конечно, если Кириенко просит...

— Что от меня требуется, Алла Гурьевна?

Голос Леры прозвучал холоднее, чем она планировала, поэтому неудивительно, что собеседница на другом конце линии ответила не сразу, недоумевая, что вызвало смену тона.

— Опросить пострадавшего, — ответила наконец Суркова. — Если, конечно, он в состоянии давать показания. Выяснить, насколько велика вина певицы, и, если удастся найти свидетелей, поговорить с ними.

— Я правильно понимаю, что крайне нежелательно, чтобы виновницей ДТП оказалась Сокольская?

Лера тут же пожалела, что не прикусила свой длинный язык до того, как открыла рот, потому что теперь уже в тоне Сурковой звенел лед Ладожского озера.

— Нет, Лера, вы неправильно понимаете! Я не стала бы просить вас о таких вещах, и мне жаль, что у вас возникло подозрение...

— Простите, Алла Гурьевна, я ошиблась! — поспешила оправдаться Лера, проклиная себя за несдержанность и поспешность — ну да, водится за ней такой грешок, хоть она много раз говорила себе, что пора уже поумнеть!

— Так вот, — продолжила Суркова, смягчив тон, — к Кириенко обратился продюсер певицы, опасаясь, что общественное мнение «распнет» ее еще до того, как все станет ясно: вы же знаете, как журналисты и блогеры любят такие новости!

Лера знала — как и вся страна, мало-мальски интересующаяся происходящим вокруг. Люди убеждены, что богатым и знаменитым все дозволено и что они-то уж точно избегают наказания в случае чего. В сущности, общественность права: машина правосудия работает в пользу тех, у кого хорошие адвокаты, а они стоят немало! Несколько

недавних показательных судов и приговоров призваны были охладить пыл СМИ, яростно кинувшихся на защиту жертв подобных преступлений, и остудить гнев народный, однако это вряд ли могло кого-то обмануть: даже за решеткой сильные мира сего ведут почти такую же роскошную жизнь, что и на свободе!

— Если она виновна, — продолжала между тем Суркова, — я доложу начальству, и ваша миссия на этом будет окончена.

— А если нет?

— Тогда и посмотрим. В любом случае огласка на данном этапе помешает делу, поэтому я обращаюсь к вам в надежде на конфиденциальность и оперативность.

— Спасибо за доверие, Алла Гурьевна, — искренне сказала Лера.

Повесив трубку, она посмотрела на Николая — казалось, его ничуть не беспокоил ее продолжительный телефонный разговор: он пялился в экран своего сотового и время от времени довольно хмыкал.

— Прошу прощения! — громко произнесла Лера, привлекая его внимание.

— А? — переспросил Николай, с видимой неохотой отрываясь от гаджета и поднимая на нее глаза. — Важный разговор?

— Чрезвычайно важный. На самом деле мне пора — на работу вызывают!

Лера даже не пыталась скрыть радость от того, что скучное, бесполезное свидание окончено.

— А как же кино? — попробовал было возразить кавалер, но Лера только плечами пожала:

— Очень жаль, но у меня нет времени! Спасибо за чудесный, гм... В общем, спасибо!

С этими словами она, словно молодая гончая, взявшая след, рванула к выходу из заведения. Николай тяжело вздохнул, окинул тоскливым взглядом опустевшее место напротив и вернулся к просмотру видео на «Ютьюбе».

Лера ожидала увидеть на больничной койке кого угодно, но только не двухметрового красавца с оленьими глазами — его не портили даже плотная повязка на голове, пластырь на подбородке и парочка живописных кровоподтеков. Он представлял собой тот тип мужчин, какой Лера ненавидела всей душой: хозяин жизни, у ног которого особи противоположного пола укладываются в штабеля просто потому, что он такой великолепный! И неважно, что он, возможно, не зарабатывает денег, не имеет собственного жилья и двух слов связать не в состоянии. Значение имеет другое: на лицо его можно смотреть без конца, как на воду или огонь, если перефразировать известное английское изречение.

Лере не удалось встретиться с лечащим врачом потерпевшего, так как тот совершал обход, но она ни на секунду не усомнилась в том, что у парня нет серьезных повреждений: скорее всего, он из тех «прыгунов», что кидаются под дорожные машины с целью получить материальную компенсацию с их владельцев. Возможно, он знал, что авто принадлежит Вере Сокольской? Ее показывают по телевизору, она участвует в различных шоу и вряд ли захочет, чтобы ей начали перемывать косточки из-за аварии, в которой пострадал человек. При столь смазливой внешности парню ничего не стоит разжалобить и врачей, и полицейских, а если Сокольская откажется платить — отправиться в путешествие по телеканалам, где он найдет сочувствие и понимание в тот же момент, как устремит на редактора телешоу свои темные и блестящие, как маслины, глаза, осененные ресницами, которым позавидовала бы Анастасия Волочкова! Так что, несмотря на то что Лера дала себе слово действовать сдержанно и профессионально, она не могла заставить себя казаться доброжелательной. Мать и сестра постоянно упрекают ее в том, что она слишком быстро выносит суждения, не удосужившись разобраться в ситуации до конца, а потому ей часто приходится впоследствии извиняться за